

В. В. Курьянова
(Симферополь)

О художественном осмыслении патриотизма в русской и английской литературе эпохи Крымской войны («Севастопольская песня» Л. Н. Толстого и «Атака легкой кавалерии» Теннисона)

Крымская война для мировой общественности явилась одним из крупнейших событий XIX века. В военных действиях участвовали крупнейшие страны Европы и Россия, потери каждой из сторон составили до 150 тысяч человек. Естественно, что такое масштабное событие отразилось в сознании каждого. В литературе рождается миф о Крымской войне, который живёт и сегодня, трансформируясь в произведениях писателей и поэтов по-разному.

Но мифы, рожденные в культуре каждой из стран-участниц конфликта, значительно отличаются друг от друга. Соответственно и художественные тексты также воспроизводят разные варианты осмысления событий. Фактически одни и те же военные действия в массовом сознании противоборствовавших стран, преобразуясь, входят в разные кодовые системы. Для России война оказалась проигранной, историки оценивают этот проигрыш как результат имперских амбиций императора Николая I, выигравших в ситуации, когда армия была слабо подготовлена к войне, а её техническое оснащение было неудовлетворительным. Для союзников война в конце концов приобрела победоносный характер, закрепила уверенность в силе оружия и подготовленности войск, что не могло не отразиться на её восприятии.

С момента начала Крымской войны и в последующие годы русские историки и общественные деятели описывали события, анализировали их, осмысливали причины поражения [2; 3; 4; 11 и др.] Но взгляды другой стороны

на военные действия в русской печати долгое время не рассматривались [см., напр.: 5].

Любая война способствует росту патриотизма в массовом сознании, и это логично, потому что война – трагическое событие, необходимы сила и мужество для того, чтобы отстаивать интересы своей родины, иной раз жертвуя собственной жизнью. Вторая половина XIX века в мировой литературе (особенно в русской) приходится на пик расцвета реализма. Фактически на передовой Крымской войны рождается гений Л. Н. Толстого – великого русского реалиста.

Одним из основных соперников России в Крымской войне становится Великобритания, поэтому победу страна в общем-то записывает себе. Поэтому после Восточной войны, как её называли и называют на Западе, входят в моду слова и понятия «балаклава», «кардиган», «реглан», а также «тонкая красная линия». Хорошее знание хода военных действий той войны связано было с тем, что именно Англия посылает первого корреспондента на театр военных действий – Уильяма Рассела. Но он оказался слишком честен и описывал не только славные дела английских войск, но также их потери, поражения, неудачи, ошибки высшего командования. Это заставляет английский двор отправить в Крым фактически первого пропагандиста войны – Роджера Фентона, который создает множество фотографий парадного фасада войска Великобритании, не углубляясь в «ненужные» детали.

Военные события получают отклик не только в творчестве гениального русского писателя Льва Толстого, взявшего на себя функции первого русского военного корреспондента, но и величайшего английского поэта Альфреда Теннисона, написавшего «Атаку легкой кавалерии», ставшую для англичан хрестоматийной. Теннисон берет за основу один из известнейших эпизодов, в котором элитная английская кавалерийская бригада под руководством лорда Кардигана брошена на поле сражения под тяжелые орудия врага из-за недопонятого приказа лорда Раглана. Согласно приказу свыше шестиста бойцов легкой кавалерии были отправлены в долину Федюхиных высот, где

их встретили 50 русских орудий и русская пехота под началом генерала Липранди.

Сражение произошло 25 октября 1854 года. «Бригада потеряла 118 человек убитыми и 127 ранеными; 362 лошади были убиты. «Глупость приказа и безоглядная храбрость исполнителей позволили маршалу Пьеру Боске сказать: “C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre” (“Это великолепно, но так не воюют”). Первоначально русские командиры подумали, что британские кавалеристы были пьяны, что несколько улучшило репутацию британской кавалерии на протяжении остальной войны» [1].

Теннисон на тот момент уже был поэтом-лауреатом, фактически придворным певцом английских монархов, конечно же, он откликался на все значимые события. Стихотворение «Атака легкой бригады» («Charge of the Light Brigade») опубликовано в газете «The Examiner» 9 декабря 1854 года. Произведение Теннисона проникнуто героическим пафосом и высокой романтикой битвы, и это понятно: погибли не просто воины, погибла элита, цвет нации. Положив в основу своего произведения конкретный эпизод Балаклавской битвы, английский поэт создает отвлеченный образ шестиста воинов, мчавшихся навстречу врагам в «Долину смерти напрямик». Миф о шестистах, созданный Теннисоном, до сих пор олицетворяет представления англичан о Восточной войне и верности долгу. Поэт подробно, с удивительной точностью рассказывает историю битвы. Генерал лорд Раглан отправляет легкую кавалерию, чтобы отбить английские орудия, брошенные турками на редутах:

Forward, the Light Brigade!

Charge for the guns!' he said

(«Вперед, Бригада легкая!

Верните наши пушки!» дан приказ) [1].

Шестьсот кавалеристов скачет по долине возле Федюхинских высот и попадает под перекрестный огонь:

Cannon to right of them,
Cannon to left of them,
Cannon in front of them
Volley'd and thunder'd
(Ряды орудий справа,
Ряды орудий слева,
Орудия пред ними –
В лицо огня лавина) [1].

Несмотря на явно более выгодную позицию русских войск отвага, мужество и быстрота легкой кавалерии дали возможность прорваться сквозь огонь русских, обстреливавших их с Федюхиных и Балаклавских высот, но потери были огромны, на исходную позицию вернулись немногие.

Теннисон смог представить ошибочную и бессмысленную атаку легкой кавалерии как подвиг, «создав гимн британским солдатам, посланным на верную смерть, но с честью выполнившим свой долг, не будучи встревоженными осознанием того, что стали жертвой грубой тактической ошибки» [15]. Теннисон создает романтический образ кавалерии:

Но вышли из левиафановой пасти
Шестьсот кавалеров возвышенной страсти
Затем, чтоб остаться в веках.
Утихло сраженье, долина дымится,
Но слава героев вовек не затмится,
Вовек не рассеется в прах.

(перевод Ю. Колкера) [1].

Рассказывая историю разгромного поражения британской армии, Теннисон воспеваает англичан, создает гимн доблести, равного которому нет во всей английской литературе: «Стихотворение А. Теннисона можно считать не только эмоциональным откликом на реальное историческое событие, но и сознательной прокламацией викторианской этики и эстетики» [16, с. 56].

Сам исторический материал и художественный пафос делали оправданным сохранение в произведении влияния романтизма, поэтому в стихотворении появляется отвлеченный образ шестиста кавалеристов, местом действия становится Долина смерти, романтизированные образы командиров (см. об этом Ищенко [5, с. 52]).

Практически через год, то есть 4 августа 1855 года, происходит сражение на Черной речке, которое во многом перекликается с эпизодом Балаклавского боя с участием легкой кавалерии. Место этого кровавого действия случилось также возле Федюхиных высот, но с другой их стороны.

Предыстория битвы такова. Затянувшаяся война начала раздражать Александра II, которому необходимо было скорейшее её окончание, чтобы сосредоточиться на готовившихся реформах. И он настаивает на проведении каких-либо решительных действий, для чего посылает в Крым генерал-адъютанта барона П. А. Вревского, который понимает свою задачу буквально и предлагает атаковать Федюхины высоты и гору Гасфорта. Решение должен был принять командующий Крымской армией М. Д. Горчаков. От этой явно губительной затеи его отговаривали и генерал Д. Е. Остен-Сакен, и генерал-адъютант Э. И. Тотлебен. Но 2 июля всё же решение было принято, для чего был созван военный совет, на котором присутствовали практически все руководители армии и в результате которого был разработан план наступления.

По версии приятеля Л. Н. Толстого Д. А. Столыпина, его кузен, который был ординарцем при начальнике штаба 3-го пехотного корпуса генерал-майора П. В. Веймарна, уже непосредственно перед сражением задал генералу вопрос о цели этой операции. П. В. Веймарн ответил, что, по его мнению,

сражение затевается чтобы «отвлечь на время внимание неприятеля от Севастополя», пока еще не достроен мост через бухту на Северную сторону, и что «даже в случае успеха, если мы овладеем высотами, то к ночи все-таки должны будем отступить» [10, стб. 1362].

Исход этого сражения, так же, как и в случае с атакой английской легкой кавалерии, решил неправильно понятый приказ начальства: русские войска были разгромлены французами и получили огромные потери. По официальным данным русская армия потеряла в этом сражении 260 офицеров и 8 010 нижних чинов; по неофициальным потери доходили до 10 000 (почти половина – убитыми и пропавшими без вести).

Так же, как и в 1854 году Теннисон после разгрома легкой кавалерии, так и после битвы на Черной речке Л. Н. Толстой создает произведение, посвященное сражению – «Севастопольскую песню» («Песню про сражение на речке Черной 4 августа 1855 года»). Песня была сочинена буквально по свежим следам сражения, не более чем в течение пяти-семи суток после него, поскольку для того, чтобы песню, как это известно по свидетельствам современников, «распевала вся севастопольская армия», нужно время, а оно могло быть только до 27-го августа – дня последней бомбардировки и оставления Севастополя.

Толстой полностью восстанавливает реальную последовательность военной операции (так же, как и Теннисон): дату битвы («как четвертого числа»), появление в Крымской армии барона Вревского, приехавшего из Санкт-Петербурга и убеждавшего Горчакова в необходимости дать бой («Барон Вревский генерал / К Горчакову приставал, / Когда подшофе (bis). / Князь, возьми ты эти горы, / Не входи со мною в ссору, / Не то донесу» (bis)), заседание большого совета, который должен принять решение («Собирались на советы / Все большие эполеты»), объяснение причины последующего поражения («Гладко вписано в бумаге, / Да забыли про овраги, / А по ним ходить...»), выезд на позицию, сомнения Липранди, ошибка Реада, действие генерала Белевцева, поехавшего собирать остатки армии («А Белевцев-

генерал / Все лишь знамя потрясал, / Вовсе не к лицу»), отсутствие своевременного подкрепления и уход с позиций [см.: 13].

Но события сражения на речке Черной в соответствии с жанром и творческой манерой Л. Н. Толстого предстают совершенно отличными от описаний Балаклавского сражения А. Теннисоном. Нет возвышенного трагизма, нет героического пафоса. Несмотря на то, что сохранились свидетельства острых переживаний Толстого сразу же после сражения и в письмах родным, и в личных дневниках, где он писал о «неудачном, ужасном деле» [14, с. 58], писатель, на наш взгляд, использует прием скрытого трагизма, обращаясь к традиции, ведущей свое начало от менипповой сатиры, опираясь на принципы которой, М. М. Бахтин заговорил о карнавализации. Именно карнавализацией, которая связана с профанированием и сказовостью, на наш взгляд, и объясняется форма и стиль «Севастопольской песни». Причем и профанирование, и сказовость у Толстого подчеркивается народным (солдатским) стилем повествования, травестированием лирического героя.

Так, генерал барон Вревский «пристает» к князю Горчакову только тогда, когда находится в легком подпитии – подшофе. В другом состоянии он, видимо, обращаться с требованиями и угрозами к командующему боится:

Барон Вревский генерал
К Горчакову приставал,
Когда под-шафе: (bis)

«Князь, возьми ты эти горы,
Не входи со мною в ссору,
Не то донесу» (bis) [13, 241].

И дипломатичный в своей основе разговор двух высокопоставленных особ приобретает черты кабацкой пьяной болтовни и упреков, наподобие нетрезвого выяснения, кто кого уважает: не уважишь – будет ссора – донесу.

В смешном и нелепом, умаляющем достоинство армейского генералитета духе изображен совет перед сражением:

Собирались на советы
Все большие эполеты,
Даже Плац-Бекок (bis).

Полицмейстер Плац-Бекок
Никак выдумать не мог,
Что ему сказать (bis) [13, 241].

Едва ли не главным лицом совета оказывается генерал-полицеймейстер главного штаба Южной армии А. П. Плац-бек-Кокум, которого, судя по сохранившимся документам, и на совете-то не было. Да и что делать на военном совете полицеймейстеру, в обязанности которого входит следить за порядком в армейских частях? Поэтому он и не может «выдумать», «что ему сказать».

Совершенно в духе досужих сплетен звучит фраза «собирались на советы», хотя речь идет только об одном совещании. Несомненной находкой Л. Н. Толстого является метонимия «большие эполеты» в значении «генералитет». Она подчеркивает, с одной стороны, высокий статус участников, но с другой – подменяет людей их значимостью, а следовательно, делает их не боевыми генералами, исполненными высоких помыслов и устремлений во благо Отечества, а бездушными существами в мундирах, исполняющими предписанные им действия.

Поэтому именно таким, исполненным механистическими действиями, и выглядит весь военный совет:

Долго думали, гадали,
Топографы всё писали

На большом листу (bis) [13, 241].

В свете предыдущих строк песни слова «думали, гадали» воспринимаются именно в значении «механистично, бестолково», тем более, что писали-то «на большом листу», а толку чуть:

Чисто вписано в бумаги,
Да забыли про овраги,
Как по ним ходить (bis) [13, 241].

Афористичная ценность и поэтому популярность этой фразы как раз в подчеркнутой противопоставленности слова и дела, причем слова необдуманного, но зато «гладко» сказанного и поэтому «гладко вписанного», тем более, что по оврагам придется ходить вовсе не тому, кто это слово произносил.

Сам способ профанирования событий в следующих строках подчеркивается демонстративно-игровым характером происходящего. Члены военного совета вместе с «топографами» превращаются в марионеток, которых дергает за ниточки ими самими созданный план:

Выезжали князя-графы,
А за ними топографы
На большой редут (bis) [13, 241].

Сцена имеет подчеркнуто торжественный вид – вид очень значительного события: как-никак выезд видных сановников в сопровождении свиты. Снижается картина опять метонимическим приемом: перед нами не военачальники, а «князя-графы», то есть даже не люди, а наследственные титулы. Сквозь призму этих высоких титулов военачальники и воспринимаются, что значительно снижает (если вообще не снимает) их

армейскую значимость. Свита же, состоящая из «топографов», вообще выглядит комично и еще более снижает значительность «князей-графов».

Далее начинается прямо-таки драматическое действие. Если все предыдущее было экспозицией, то здесь следует завязка конфликта:

Князь сказал: «Ступай, Липранди».

А Липранди: «Нет-с, атанде,

Нет, мол, не пойду (bis).

Туда умного не надо,

Ты пошли туда Реада,

А я посмотрю» (bis) [13, 241] и т.д.

Наш подробный анализ «Севастопольской песни» можно посмотреть в опубликованных статьях [6; 7; 8; 9]. Здесь же отметим, что в стилистике «Севастопольской песни» подчеркивается карнавальный, маскарадный характер. Причем карнавальная веселость достигается не только изображением абсурдности происходящего, но и сниженной, просторечной лексикой и фразеологией, характерной для сказа, создающей, в сопоставлении с трагичностью реальных событий, комический эффект: «да спросту», «на уру», «обождал», «не таков», «ждал... дожидался», «с духом... собрался», не говоря уже о непечатном выражении последнего куплета.

«Революционностью» песни (перетеканием карнавальности в свою противоположность, наличием в песне как карнавального, так и противоположного ему начал), на наш взгляд, прежде всего и объясняется ее популярность. Никто никогда не воспринимал этот текст в качестве безусловной «сатиры», но только и исключительно как произведение, изображающее горестное событие единственно возможным способом – в смешном виде, причем только для того, чтобы окончательно не впасть в уныние от произошедшего.

Выражение патриотического чувства у писателей и поэтов разных государств непосредственно связано с национальным мировосприятием, тем, что принято называть ментальностью.

Так, творчество Теннисона приходится на период викторианства – одного из самых благоприятных периодов истории Великобритании, когда выкристаллизовалось современное английское отношение к родине. Именно в эпоху правления королевы Виктории, – пишет И. С. Шильникова, – «зародились такие положительные черты английского национального характера, как английский патриотизм, чувство собственности, любовь к своему дому (“Мой дом – моя крепость”), бережное отношение к своим традициям, трепетное отношение к семье и т.д.» И в то же время «могущество Британской империи, расширение ее границ способствовали развитию таких не совсем положительных черт характера, как пренебрежительное отношение к иностранцам, уничижительное отношение к людям низшего сословия» [17] Эти отрицательные качества тем более усугублялись в критические моменты, в том числе в период военных действий, когда к врагам англичане испытывали только ненависть.

Патриотизм в художественном воплощении Толстого – это патриотизм всегда народный, человеческий. Для русского, по Толстому, испытывать ненависть к врагу нормально, но при этом ненависть всегда соотносится с человечностью. Ментальность русская такова, отмечал писатель в «Севастопольских рассказах», что человек скорее будет стыдиться своих чувств, чем их демонстрировать, даже если чувства эти будут исключительно благородными: «чувство, редко проявляющееся, *стыдливое в русском*, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине» (выделено курсивом нами. – В. К.) [12, с. 93]. Поэтому в «Севастопольской песне» враг лишь упоминается («Наше войско небольшое, а француза было втрое»), и упоминается в нейтральном контексте, тогда как в «Атаке легкой кавалерии» подчеркивается ненависть к врагам и радость от их гибели, торжество малой победы («Рубили пушкарей, и даже / Армия врага в смятенье подалась... / В

клубах порохового дыма / Рассеяны ряды солдат; / Казаки, русские – / Изрубленные, в корчах / Кричали, в ужасе» [1]). Потому-то в сева­стопольских очерках Толстой описал сцены братания русских с французами, куда менее, нежели англичане, озабоченными своей национальной правотой. Братание с проникнутыми имперской исключительностью англичанами было невозможно. Отметим также, что в зрелых произведениях Толстого сочувствие к врагу становится обязательной чертой русского патриотизма.

Таким образом, героический пафос стихотворения «Атака легкой кавалерии» А. Теннисона и прикрытые комизмом трагические мотивы «Песни про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года» Л. Н. Толстого объясняются поэтому не столько разножанровостью произведений, сколько восходят к разному пониманию патриотизма, свойственному разным национальным мирам.

Литература

1. Атака легкой бригады [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimeawar.narod.ru/attack/tennyson.html>
2. Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов: в 4-х т. [Электронный ресурс] / М. И. Богданович; изд. второе, испр., доп. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. – Режим доступа: <http://www.adjudant.ru/crimea/bogdan33.htm>. (Проверено 09.2016)
3. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: в 3 т. / Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1900.
4. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. / А. М. Зайончковский // История русской армии: в 3 т. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003.
5. Ищенко Н. А. Перо сильнее, чем клинок... Мифология Крымской войны 1853-1856 годов в литературе Великобритании второй половины XIX века: Монография / Н. А. Ищенко. – Симферополь: Крымский Архив, 2007. – 324 с.

6. Курьянова В. В. «Севастопольская песня» Льва Толстого: историческая основа и литературная интерпретация / В. В. Курьянова // История в подробностях: иллюстрированный научно-популярный журнал, Москва. – 2013. – № 5 (35), май. – С. 56–65.

7. Курьянова В. В. Л. Н. Толстой, М. М. Бахтин и сражение на реке Черной 4 августа 1855 года / В. В. Курьянова // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. Вып. 19 (76). – Симферополь: Крымский Архив, 2011. – С. 30–51.

8. Курьянова В. В. Песня о сражении на реке Черной 4 августа 1855 года, или О том, как молодой Лев Толстой, благодаря стихотворной форме, приобщился к карнавалу / В. В. Курьянова // Радуга, Киев. – 2012. – № 2. – С. 159–179.

9. Курьянова В. В. Севастопольская песня, или Как благодаря начинающему писателю поручику графу Л. Н. Толстому кровопролитное сражение на Черной реке под Севастополем приобрело карнавальный характер / В. В. Курьянова. – Вопросы русской литературы. Научный рецензируемый филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 73–96.

10. Столыпин Д. А. Из личных воспоминаний о Крымской войне. (Дело на реке Черной) / Д. А. Столыпин // Русский архив. – 1874. – Кн. 1. – Вып. 5. – С. 1358–1368.

11. Тарле Е. В. Крымская война [Электронный ресурс]: в 2 т. / Е. В. Тарле. – М.; Л.: Госнаучиздат, 1941–1944. – Т. 2. Глава XVII. Черная река 4 августа 1855 г. – Режим доступа: <http://www.adjutant.ru/crimea/tarle2-17.htm>.

12. Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — Художественные произведения: В 18 т. — М.: Наука, 2000—... — Т. 2: 1852—1856. — 2002. — С. 81—93.

13. Толстой Л. Н. <<Как четвертого числа...>> / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. – Художественные произведения: В 18 т. – М.: Наука, 2000—... . – Т. 2: 1852–1856. – 2002. – С. 241–243.

14. Толстой Л. Н. Дневник 1855 г. / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). Серия 2: Дневники / Под общ. ред. В. Г. Черткова. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1964. – Т. 46–58. – Т. 47: Дневники и записные книжки, 1854–1857. – 1937. – XI, 618 с.

15. Чернин В. К. Русская рецепция Альфреда Теннисона / В. К. Чернин. Дисс. ... докт. филол. наук; 10.01.01. – Саратов, 2009. – 40 с.

16. Шешунова С. В. Атака легкой бригады под Балаклавой: факты и художественные образы / С. В. Шешунова // Филология и культура. *Philology and culture*. – 2012. – № 4 (30). – С. 55–57.

17. Шильникова И. С. Патриотизм как черта английского национального характера в произведениях Дж. Голсуорси [Электронный ресурс] / И. С. Шильникова // Научная электронная библиотека «Киберленинка» – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-cherta-angliyskogo-natsionalnogo-haraktera-v-proizvedeniyah-dzh-golsuorsi>